

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 208–217, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.208

www.ejournal15.com

UDC 947

Organization of the Village Self-Government as the Basis of the Cossack Daily Life (The Case of the Kuban Cossack Host)

Elena V. Godovova

Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russian Federation
26, Kuracha Street, Orenburg, 460000
PhD (History), Associate Professor
E-mail: godovova@mail.ru

Abstract

The paper presents the evolution of the formation of the local government system in the Kuban Cossack Host in Russia. This system has been transformed at the beginning of the 20th century. Growing disunity based on the difference of property possessions, education level, and psychological conflicts along with administrative pressure resulted in the reducing responsibility of the elected persons, and the increasing degree of laziness and indifference of the Cossacks. But, despite this, the Cossack communities continued to live, to regulate the property relations, to solve social problems.

Keywords: Kuban Cossacks, village self-government, everyday life, ataman of the stanitsa, stanitsa meeting, stanitsa court, Cossack community.

Введение

Изучение повседневной жизни казачества как самобытного и специфического сословия России XIX в. невозможно без анализа станичной среды, в которой оно эволюционировало. Казачья станичная община была элементарной единицей войскового деления, сохраняла специфические черты самоуправления, реализации воинских приоритетов, взаимопомощи, половозрастную структуру [1].

Станичное самоуправление является одной из популярных тем казачьего дискурса. Свои исследования в этой области проводят не только историки-казаковеды, но и праведы, социологи, политологи и философы [2–7]. Новизной данной работы является то, что автор рассматривает проблему эволюции станичного самоуправления с позиции социальной истории, т.к. модернизационные процессы, происходившие в России в пореформенный период, повлияли на повседневную жизнь казаков, их отношение к власти и друг к другу.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает нормативно-правовые акты, архивные документы, этнографические отчеты, воспоминания, материалы периодической печати, характеризующие систему станичного управления кубанского казачества. В статье применены реконструктивный, историко-сравнительный, историко-генетический, биографический методы исследования.

Обсуждение и результаты

Казаки, проживавшие в станице «с принадлежавшими ей поселками и поселениями», составляли станичное общество. Казачья община в отличие от крестьянской была учреждением не только гражданским, но и военным, а следовательно, круг ее деятельности был шире «на всю сумму тех нужд и потребностей, которые вытекали из условий казачьего военного быта» [8].

Согласно «Положению об общественном управлении в казачьих войсках», утвержденному 13 мая 1870 г., решением станичных дел занимались: станичный сбор, станичный атаман, правление и суд [9]. Действие этого документа распространилось на все казачьи войска, кроме Уральского, для которого, согласно закону, были «установлены особые правила по устройству общественного управления казаков» [10]. Органы местного самоуправления составляли: станичный сход (круг), станичный атаман со станичным правлением и станичный суд.

Спустя 21 год, в 1891 г., было утверждено новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Как отмечал военный министр генерал-адъютант П.С. Ванновский, в новое положение включили ряд мер, направленных: 1) к более правильному устройству станичных и хуторских сборов и разрешению в них общественных дел; 2) к более правильной и отвечающей потребности населения деятельности станичного суда; 3) к замещению общественных должностей достойными лицами; 4) к обеспечению исправного отправления ими земских и станичных повинностей и пополнения недоимок [11]. В административную систему станичного самоуправления также входили: станичный сбор, станичный атаман, станичное правление и станичный суд.

Станичные сходы. По положению 1870 г. в станичный сход входили все домохозяева, принадлежащие к станичному обществу. Он обладал следующими правами: избирать атамана станицы, судей и писарей, назначать различных должностных лиц, например церковного старосту, смотрителя хлебного магазина и др., и осуществлять контроль над их деятельностью, назначать жалование или иное вознаграждение станичным должностным лицам, распределять паевые надель, сдавать земли в аренду, определять очередность и порядок несения земских повинностей, использовать средства станичного капитала [12].

Архивные данные по Кубанскому казачьему войску свидетельствуют, что станичный сход обеспечивал казакам прямую защиту. Атаман станицы Абхазской защищал своего станичника Т. Онищенко от кредитора [13]. Правление станицы Попутной в 1873 г. поддержало казака Буланкина, который был незаконно оштрафован на 8 руб. за порубку леса в юрте станицы Передовой [14]. Расшеватский станичный сбор вступился за чабана Е. Горлова, который избил земельного поверенного станицы Темижбекской С. Щеглова, когда последний застал его на пастбище своей станицы. Сходу удалось доказать, что Щеглов неоднократно вымогал у расшеватских пастухов деньги и нарушил обычай, согласно которому казаки соседних общин свободно пасли скот на землях друг друга. Щеглов был посрамлен и, опасаясь судебного преследования, поспешил замять дело [15]. Казаки поддерживали и тех чужаков, которые оказывали общине услуги. Сход станицы Абинской постановил снизить налогообложение для темрюкского мещанина Борзика на 243 руб. 20 коп. за его неоднократную помощь станице «как деньгами, так и делами» [16].

На станичном сходе каждый казак пользовался правом голоса наравне с другими; лишали права голоса буянов, пьяниц, порочных или сильно скандаливших лиц [17]. Так, приговором от 29 мая 1879 г. общество станицы Упорной Кубанского казачьего войска освободило своего казначея Тимофеева от должности и лишило его права участия в сходах за то, что он 15 мая, столкнув станичного атамана Числова с лошади, заявил в правлении, что атаман утерян, а затем начал звонить в колокола, чем нарушил спокойствие станицы. На просьбы станичного писаря урядника Жужнева прекратить бить тревогу не обратил никакого внимания [18].

Следует отметить, что лишение участия в сходах считалось для казаков, дорожащих своим положением, довольно чувствительным наказанием, и, осознавая, что завтра любой из общины мог оказаться на месте этого «несчастливого», казаки терпимо относились друг к другу и строго отличали «своих заблудших, но подающих надежды на исправление членов от лиц, явно вредных и неисправимо порочных» [19]. Следить за поведением оступившегося

человека – пьющего, буянившего, гулящего – общество поручало соседям, родителям, супругам и детям. Например, общество станицы Кисляковской в 1872 г. постановило сделать внушение молодому казаку, сильно выпивавшему и буянившему, и поручило надзор за его поведением двум соседям [20].

Казацкие сходы были многочисленными, по данным, приводимым Ф.А. Щербиной, на них собирались 500–700 и более человек (особенно зимой), при этом казаки по сравнению с крестьянами отличались дисциплинированностью. Вероятно, особое уважительное отношение казаков к власти, старикам заставляло их сдерживать себя во время обсуждения каких-либо вопросов, давая возможность высказываться всем желающим. Только когда дело касалось какого-то особо острого вопроса, казаки оживлялись и обсуждение становилось бурным. Конечно, не все казаки принимали участие в сходах, за что получали наказание: в кубанских станицах в 1870-е гг. за «неисправное посещение» были установлены штрафы от 50 коп. до 9 руб. Однако важнейшие общественные дела решались при значительном участии домохозяев [21].

В целом станичные сходы согласно положению 1870 г. обладали широкой юрисдикцией, но не довольствовались только тем, что было предписано законом, а применяли и обычное право, опираясь на общинную власть.

Применение «Положения об общественном управлении в казачьем войске» 1870 г., с одной стороны, позволило казакам самостоятельно решать некоторые вопросы местной жизни, связанные с хозяйственной деятельностью, открытием учебных заведений в станицах и поселках, определением очередности выхода на полевую службу, но, с другой стороны, решения, принимаемые станичными обществами, не всегда были правильными. Например, сына вдовы с тремя детьми могли поставить первоочередным, а тех, кто побогаче, и зажиточных (первоначально договорившихся и подкупивших ряд людей) – во вторую очередь и ниже [22].

Новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» 1891 г. было призвано усовершенствовать систему управления. Согласно этому документу, станичный сбор (сход) состоял из станичного атамана, его помощников, судей, казначея и казаков. В тех станицах, где было до 30 казачьих дворов, в сходе принимали участие все казаки, в станицах больше 30 казачьих дворов, но менее 300 на сход посылали около 30 выборных. В станицах, имеющих более 300 дворов, в сходе участвовали выборные казаки, по одному от каждого 10 дворов [23]. Избирать и быть избранным мог каждый казак, достигший 20 лет, не состоящий под следствием или под судом.

Станичному сбору предоставлялись большие полномочия по регулированию местных хозяйственных и иных вопросов, четко определенных в его правах и обязанностях. Одной из основных обязанностей станичного схода была охрана общественной собственности, чтобы «польза общая была предпочитаема частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто не присвоил не принадлежавшее ему» [24]. Среди других обязанностей схода было: избрание хуторских, станичных атаманов и членов станичного управления, открытие начальных училищ и кредитных учреждений, установление общественных запашек, распределение поземельного довольствия между всеми поселениями станицы, выдача хлебных или денежных ссуд нуждающимся, контроль над исправным снаряжением казаков на службу, исключение из станичного общества его членов и прием новых [25]. В XIX – начале XX вв. сход контролировал и передвижение казаков. Так, в 1901 г. казак станицы Переправной К.Д. Саранчин с согласия сбора переехал в станицу Прочноокопскую. Житель станицы Ширванской Г. Рудаков был отпущен сбором на год «в разные места Эриваньской губернии» [26].

Станичные атаманы. Первое место на станичном сходе занимал станичный атаман. Согласно положению 1870 г. он управлял повседневным ведением дел, являлся административно-полицейским лицом, которому подчинялись все проживающие в пределах станичного юрта люди, т.е. представители войскового и невойскового сословия. Так, он был обязан следить за соблюдением законности и порядка, принимать решения в условиях чрезвычайных ситуаций, исполнять приговоры станичного суда и прочих судебных учреждений. По делам общественным станичный атаман был обязан управлять деятельностью станичного схода; следить за состоянием дорог, мостов, перевозов;

наблюдать за выполнением обязанностей должностными лицами общественного управления [27]. Следил станичный атаман и за отбыванием казаками военной службы.

Положение об общественном управлении станиц 1891 г. конкретизировало некоторые права и обязанности станичных начальников. Так, станичный атаман должен был следить за порядком в пределах станичного юрта, имел право наказывать дебоширов и хулиганов путем наложения административного взыскания: денежного штрафа в размере не более трех рублей в пользу общественных сумм или ареста на срок не более трех дней либо назначения общественных работ и станичных повинностей на срок до трех дней [28]. Станичный атаман выполнял и полицейские функции. Он осуществлял руководство деятельностью станичного сбора, собирал и распускал его, претворял в жизнь решения выборных. Атаман был ответственным за сохранность и приумножение общественного имущества и объектов государственного значения, находящихся в пределах юрта, имущества частных лиц, находившегося под надзором станичного правления. Он должен был обеспечить своевременный выход казаков на службу, отвечал за наличие у них необходимого обмундирования и снаряжения. Атаман организовывал выполнение казаками и прочих повинностей, а также распоряжений вышестоящих властей [29]. Ему предоставлялось право разрешать отлучки из станицы казакам служилого состава до одного месяца, а остальным станичникам – до одного года. С 1903 г. в Донском, Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском и Семиреченском казачьих войсках атаман мог разрешать с согласия станичного сбора отлучки до одного года казакам третьей очереди и запасного резерва [30].

Станичный атаман вместе с помощниками и казначеем входили в состав исполнительного органа власти – станичного правления, которое состояло из станичного схода, позже замененного выборными от каждого десятка домохозяев станицы [31]. Станичное правление решало дела станичного схода, ежемесячно проверяло станичные суммы и станичные хлебные запасные магазины, ежегодно избирало от четырех до двенадцати очередных судей для станичного суда, который собирался через каждые две недели по воскресеньям (если необходимо, то чаще) [32].

В станичные атаманов на Кубани выбирали отставных чиновников в возрасте от 42 до 50 лет [33]. При выборе атамана народ требовал, чтобы он не только умел писать, но и был честным, общительным, открытым для просьб и иногда мог пригласить на рюмку водки [34]. Как отличие звания станичному атаману присваивалась насека¹, также он отличался от других станичников особой формой одежды. Современник, описывая уманского станичного атамана, отмечал его особую солидность и свойственную военным манеру держаться. Высоко поднятая голова, озабоченный взгляд, важная походка, скрип сапог при каждом шаге, оружие и другие «атаманские доспехи» – все выдавало в нем человека, «которого голой рукой не возьмешь» [35].

Станичный атаман являлся высокостатусным казаком. Особое внимание атаманов уделяли нравственности жителей. Воров, пьяниц, бездельников подвергали телесным наказаниям, а с любителями «воспитывать» жен проводили воспитательные беседы. Автор одной из заметок в местной газете писал, что благодаря усилиям атамана в станице Березанской не стало хулиганства, воровства, грабежей, убийств. Прекратились даже драки между молодыми людьми, не говоря уже о том, что на замечания взрослых станичников молодежь перестала отвечать дерзостью и оскорблениями. Собравшиеся на улице молодые казаки при одном только возгласе какого-нибудь шутника: «Атаман идет!» – разбежались в разные стороны, не желая попасть под его горячую руку. Почтенные старики с большим уважением и благодарностью отзывались о своем атамане, хвалили его за то, что он молодежь «учит уму-разуму» [36].

Станичный атаман должен был быть хорошим хозяйственником. Например, за время нахождения на службе атамана станицы Ивановской Кубанского казачьего войска Д.П. Бирюка в 1875 г. размер общинной казны достиг 160 тыс. руб. [38]. Ушаков, атаман станицы Архангельской, в 1878 г. привлек внимание тем, что за шесть месяцев своего

¹ Насека – род булавы, знак достоинства низших казачьих начальников и станичных атаманов; длинная деревянная трость, обвитая резьбой в виде веток и окрашенная под орех, а на ней серебряная головка, небольшое шаровидное навершие [37].

атаманства реконструировал станичную тюрьму, построил пожарное депо и почту, отремонтировал мост и начал строить станичное училище [39].

Об атамане Уманской станицы Д.К. Павлоградском станичники вспоминали как о рачительном хозяине, которого волновало все: строительство храма и казачьей школы для мальчиков, отгрузка хлеба и финансовые отчисления, неустроенность дорог и бедность станичников. Он добился строительства железнодорожной ветки Ейск – Сосыка, преодолев при этом сопротивление тех, кто боялся потерять часть пашен и пастбищ, попавших в полосу отчуждения вдоль полотна железной дороги. Прокладка этой дороги обеспечила станичникам дополнительный заработок, и во многие семьи пришел достаток – «возводились новые дома под железной кровлей или камышом под “щетку”. Усадьбы “одевались” в тесовые заборы и частокол с добротными воротами и лавками». В станице «стало больше “однобоких” тротуаров, сбитых по две доски. Пополнялась и казна станичного правления» [40].

С.А. Венеровский, находясь в должности атамана Темрюкского отдела, выхлопотал пенсию вдове знаменитого героя Севастопольской обороны есаула Даниленко. Дети есаула Даниленко после смерти отца пытались добиться получения пенсии их матерью, но безрезультатно. Для решения этого вопроса атаман С.А. Венеровский обратился к областному атаману М.А. Цакни, привел различные доводы и добился выплаты пенсии [41]. В списке перечисленных заслуг умершего в 1899 г. атамана станицы Николаевской есаула В.А. Соколова первое место занимает постройка хлебных магазинов [42]. Между тем некоторые наблюдатели рубежа XIX–XX вв. отмечали, что станичные атаманы, желая прослыть «крепкими хозяйственниками», старались построить какое-нибудь новое здание, не слишком задумываясь над его необходимостью. Так сильно было желание остаться в памяти потомков [43].

Следует отметить, что станичные общества нередко страдали как от самодурства, так и от пассивности своих атаманов. Так, 11 марта 1870 г. в станице Бриньковской произошли беспорядки, и атаман урядник Анопко был уволен с должности за попустительство [44]. В 1881 г. в станице Баталпашинской местный атаман Фендриков, будучи в дурном настроении, осыпал оскорблениями станичного учителя и велел ему убраться из станицы [45]. Иногда подобные действия наказывались. В 1906 г. случалось, что атаманы и писари грубо выгоняли из станичных правлений казачек, пришедших, чтобы получить пособие [46]. Кубанский атаман Ложко прославился своей жестокостью и несправедливым отношением к казакам и их семьям [47].

Используя служебное положение, часть атаманов эксплуатировала общественное имущество в корыстных целях. Некоторые атаманы только таким способом могли поддерживать достойный образ жизни, т.к. их жалование было слишком низким, а прочие доходы – скудными. Последние росли гораздо медленнее цен [48]. В 1896 г. родниковский атаман был уличен в растрате общественных сумм [49]. Общество станицы Березанской в 1917 г. подало иск на бывшего атамана Шрамко, обвиненного в незаконном пользовании землей, за которое общество хотело взыскать с него 1161 руб. 52 коп. [50].

Материалы кубанской периодики предоставляют и другие примеры хозяйственной безответственности атаманов. В станицах случались сильные пожары из-за отсутствия полноценных средств борьбы с ними. В 1911 г. пожар на гумне кужорского казака Филонова был потушен при помощи самоотверженных соседей. Атаман и пожарный расчет появились с большим опозданием [51].

Выдвинув надуманные обвинения, казаки могли переизбирать неугодных им атаманов. В 1875 г. газета «Кубанские областные ведомости» сообщила, что в ее редакцию поступает непропорционально большое количество жалоб на станичных атаманов [52]. «Законные требования своего атамана не всегда нравятся лабинцам, почему поступило немало жалоб и доносов на него», – отмечал войсковой атаман после инспекционной поездки [53]. Порой станичники никак не могли определиться, какой же атаман им нужен. Нерадивых и потаковщиков они сменяли за неспособность управлять станицей. Строгих и инициативных – из зависти и нежелания подчиняться дисциплине. Не случайно в 1891 г. были ужесточены наказания за оскорбление станичного атамана и членов станичного правления при исполнении служебных обязанностей [54].

В целом экономические отношения рыночного типа, проникающие в станицу, постепенно разрушали институт атаманства, но источники свидетельствуют, что пьяниц, казнокрадов, дебоширов в станичное и поселковое руководство попадало гораздо меньше, чем порядочных, справедливых и хозяйственных руководителей, пользующихся всеобщим уважением.

Казачьи суды. Правовую станичную систему составляли нормы как обычного, так и писаного права (в форме войсковых приказов, приговоров). Причем значение первых сохранялось вплоть до начала XX в. Как отмечает М.А. Рыблова, нормы обычного права к концу XIX в. контролировали имущественные, поземельные, семейно-брачные и другие отношения, «демонстрируя, с одной стороны, прежнюю жесткость, с другой – приспособляемость к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям жизни казачьих общин» [55].

Структуру и регламент работы казачьих судов разных уровней подробно описывает в своей статье Федор Крюков. Станичный суд состоял из суда станичных судей, который существовал в каждой станице, и суда почетных судей (одного на две станицы). Станичный суд рассматривал земельные споры: дела об огородах, базах, потравах и т.п.; семейные тяжбы, уголовные дела: кражи, драки. Поводом к началу разбирательства спора или тяжбы в станичном суде служило заявление одной из сторон – словесное или письменное. Причем обратиться в суд мог сам обиженный или же, если он был несовершеннолетним, его родители; станичный или поселковый атаман; свидетель произошедшего, если пострадавший сам по каким-либо причинам не хотел обращаться в суд. Истец и ответчик вызывались в суд за неделю повесткой. Вместо истца и ответчика в суд мог прийти близкий родственник, вместо несовершеннолетних – родители. Однако если несовершеннолетний выступал в суде в качестве свидетеля, то он должен был присутствовать лично. Неявка в суд была обычным делом. После первой и второй неявки рассмотрение дела откладывалось. После третьей (четвертой) неявки истца иск не поддерживали и дело прекращали. В случае неявки ответчика в третий раз выносили заочное решение. Обычно суд выносил одно из трех наказаний: денежное взыскание до 3 руб., арест до семи дней или общественные работы, которые практически не применялись. Телесных наказаний станичный суд не назначал, что отличало его от суда волостного [56].

Характерной чертой всех станичных судов было то, что судьи старались склонить стороны к примирению. Если стороны не шли на мировую сделку, то «суд решал дела на основании местных обычаев и правил, принятых в казачьем быту» [57]. Распространение обычая кормить и подпаивать судей привело к злоупотреблениям в станичных судах. Очевидец писал, как судья из станицы Варениковской подрался с казаком из-за того, что тот не налил ему водки. Казак вырвал судье полбороды [58]. Характерные для второй половины XIX в. социально-экономические и политические трансформации оказали влияние и на нормы обычного права, которые перестали работать в новых условиях.

Судебно-правовая система демонстрировала к концу XIX в. явные признаки кризиса, по оценкам современников, она была близка к полному параличу, многие суды потеряли доверие населения [59]. На страницах казачьей периодической печати люди жаловались на неэффективность станичных судов, отмечая, что «станичные и поселковые атаманы, возложившие все судопроизводство на станичных судей, совершенно не считают себя обязанными даже вмешиваться в это дело», что «атаман может освободить станичного судью или его сына, зятя от судебной повинности или бесплатно, или за сравнительно малую плату», что «редкий атаман приводит в свое время решение станичного суда в исполнение» [60].

Выводы

Система общественного управления станиц и поселков в окончательном виде сложилась в начале 1890-х гг. и содержала целый ряд недостатков, прежде всего, в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти. Решение жизненно важных вопросов постепенно перешло в руки казачьей верхушки и стало отражать ее интересы. Приговоры по всем относительно важным делам подлежали утверждению атаманов отделов, они должны были ревизовать все части станичного правления не менее одного раза в год. Жаловаться в столичные структуры, посылать в них выборных ходатаев казаки могли только

с разрешения наказного атамана и военного министра. При этом все жалобы и прошения, посылаемые «наверх», должны были пройти через руки атамана отдела.

К концу XIX в. под влиянием государства общинная организация приобретает окончательные формы. Л. Тмутараканский в своем этнографическом очерке отмечает все большее проявление среди казаков лени, пьянства и равнодушия [61]. Падал уровень ответственности выборных. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали свое дело. Многие выборные реальной общественной активности предпочитали ее имитацию. С ее помощью они хотели прославиться и добиться влияния [62]. Но их уже не слишком заботил уровень собственной нравственности. Современники отмечали, что многие члены станичных правлений рубежа веков были малограмотны, склонны к вымогательству и пьянству [63]. Все большее количество казаков не посещали сходы и не платили станичные сборы. Но, несмотря на эту трансформацию казачьей общины, она продолжала регулировать поземельные отношения и другие стороны казачьей жизни.

Примечания:

1. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.) / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 21.
2. Проблемы истории казачества: сборник научных трудов / под ред. В.Н. Ратушняка. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1995. 304 с.
3. Научно-практическая конференция «Становление казачьего самоуправления». 26–27 февраля 1998 г.: доклады и тезисы / отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 1998. 115 с.
4. Дулимов Е.В., Золотарев И.И. Самоуправление казаков – история и современность. Ростов н/Д: ДЮИ, 1998. 342 с.
5. Сысоева О.Н. Роль казачьих обществ в системе местного самоуправления: социологический анализ: дис... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2007. 154 с.
6. Прокопенко Е.Е. Самоуправление казачества в условиях демократизации российского общества (на материалах Кубанского и Терского казачьих войск): дис... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. 222 с.
7. Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект): автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. 23 с.
8. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков // Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1891. С. 57.
9. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. II. Т. 45. № 48 354.
10. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
11. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. С. 160–161.
12. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.
14. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–30б.
15. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–32.
16. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–20б.
17. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 60.
18. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 60.
19. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 61.
20. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 61.
21. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 67–68.
22. Мемуары и воспоминания Генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1908. С. 34.
23. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 11. № 7782.
24. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 11. № 7782.
25. Трут В. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 33.
26. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 87, 94.
27. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
28. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 11. № 7782.
29. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск // Из культурного наследия славянского населения Кубани / сост., науч. ред. Н.И. Бондарь. Краснодар: ООО «Качество», 1999. С. 174.

30. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 24 (1905 г.). Л. 100б.
31. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896: в 2 ч. / сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов; под ред. В.А. Потто. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1901. С. 193.
32. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
33. Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1888. С. 640.
34. Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник... Т. 1. С. 589.
35. Тер В. Атаман Павлоградский // Станица. 2004. 24 ноября. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1528&type=page> (дата обращения: 24.09.2015).
36. Матвеев О.В. Кубанское казачье войско (1860 – начало XX столетия) // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 223.
37. Казачий словарь-справочник: в 3 т. / сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. – Репринт. воспроизведение изд. 1968 г. М.: ТО «Созидание», 1992. Т. 2. С. 200.
38. Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. С. 114.
39. Станица Архангельская // Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). 1878. № 35. С. 1.
40. Тер В. Атаман Павлоградский...
41. Мемуары и воспоминания Генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского... С. 89.
42. Станица Николаевская // КОВ. 1899. № 13. С. 3.
43. Старый житель. Станица Беломечетская // КОВ. 1901. № 25. С. 2.
44. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.
45. Из станицы Баталпашинской // КОВ. 1881. № 26. С. 2.
46. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.
47. Сафонов Д.Ф. По дорогам XX века, 2004. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166> (дата обращения: 25.09.2015).
48. Володин Е. Из следственной практики // КОВ. 1881. № 25. С. 1.
49. Станица Родниковская // КОВ. 1896. № 139. С. 3.
50. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 55.
51. Очевидец. Станица Кужорская // Майкопская газета. 1911. № 205. С. 3.
52. Екатеринодар // КОВ. 1875. № 36. С. 3.
53. Басханов А.К., Басханов М.А., Егоров Н.Д. Линейцы. Никосия, 1996. С. 129.
54. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск... С. 165.
55. Рыблова М.А. Властные структуры и представления о власти у донских казаков в XVI–XIX в. // Труды Южного научного центра РАН. Том V. Социальные и гуманитарные науки / отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 226.
56. Крюков Ф. Казачьи станичные суды // Северный вестник. 1892. № 4. С.29, 32, 37.
57. Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск: КЧИГИ, 1999. С. 86.
58. Нонишний. Станица Варениковская // КОВ. 1899. № 21. С. 2.
59. Рыблова М.А. Властные структуры и представления о власти у донских казаков в XVI–XIX в... С. 228.
60. Чемякин Е.А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России: историко-правовой аспект. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002. С. 98–99.
61. Тмутараканский Л. Об экономико-социальном значении поземельного владения кубанских казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. № 16. С. 263.
62. Хорунжий Прасолов. Общественные сборы // КОВ. 1896. №15. С. 3.
63. Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.)... С. 110–111.

References:

1. Vlaskina T.Yu. Domashniy mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoy kultury donskikh kazakov (konets XIX – seredina XX vv.) / отв. red. N.L. Pushkareva. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2011. S. 21.
2. Problemy istorii kazachestva: sbornik nauchnykh trudov / pod red. V.N. Ratushnyaka. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo universiteta, 1995. 304 s.
3. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Stanovlenie kazachyego samoupravleniya”. 26–27 fevralya 1998 g.: doklady i tezisy / отв. red. A.V. Venkov. Rostov n/D: Izd-vo DYU, 1998. 115 s.

4. Dulimov E.V., Zolotarev I.I. Samoupravlenie kazakov – istoriya i sovremennost. Rostov n/D: DYuI, 1998. 342 s.
5. Sysoeva O.N. Rol kazachikh obschestv v sisteme mestnogo samoupravleniya: sotsiologicheskij analiz: dis... kand. sots. nauk. Novocherkassk, 2007. 154 s.
6. Prokopenko E.E. Samoupravlenie kazachestva v usloviyakh demokratizatsii rossiyskogo obschestva (na materialakh Kubanskogo i Terskogo kazachikh voysk): dis... kand. polit. nauk. Stavropol, 2006. 222 s.
7. Ozerov A.A. Vozrozhdenie kazachestva: idei i sotsialnaya praktika (sotsialno-filosofskiy aspekt): avtoref. dis... kand. filos. nauk. Rostov n/D, 2003. 23 s.
8. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov // Kubanskiy sbornik. T. 2. Ekaterinodar: Tipografiya A.P. Stashevskogo, 1891. S. 57.
9. Polnyy svod zakonov Rossiyskoy imperii (dalee – PSZRI). Sobr. II. T. 45. № 48 354.
10. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
11. Abramovskiy A.P., Kobzov V.S. Orenburgskoe kazachye voysko v trekh vekakh. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, 1999. S. 160–161.
12. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
13. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja (dalee – GAKK). F. 1. Op. 1. D. 38. L. 31.
14. GAKK. F. 355. Op. 1. D. 23. L. 1–3ob.
15. GAKK. F. 358. Op. 1. D. 43. L. 1–32.
16. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 1. L. 2–2ob.
17. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 60.
18. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 60.
19. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 61.
20. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 61.
21. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 67–68.
22. Memuary i vospominaniya Generala-ot-kavalerii Stefana Aleksandrovicha Venerovskogo. SPb.: Tipografiya V.D. Smirnova, 1908. S. 34.
23. PSZRI. Sobr. III. T. 11. № 7782.
24. PSZRI. Sobr. III. T. 11. № 7782.
25. Trut V. Dorogoy slavy i utrat. Kazachyi voyska v period voyn i revolyutsiy. M.: Yauza, Eksmo, 2007. S. 33.
26. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 16. L. 87, 94.
27. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
28. PSZRI. Sobr. III. T. 11. № 7782.
29. Polozhenie ob obschestvennom upravlenii stanits kazachikh voysk // Iz kulturnogo naslediya slavyanskogo naseleniya Kubani / sost., nauch. red. N.I. Bondar. Krasnodar: OOO “Kachestvo”, 1999. S. 174.
30. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 1149. Op. 13. D. 24 (1905 g.). L. 10ob.
31. Istoriya Khoperskogo polka Kubanskogo kazachyego voyska. 1696–1896: v 2 ch. / sost. esaul I Kubanskogo polka V. Tolstov; pod red. V.A. Potto. Tiflis: Tipografiya shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1901. S. 193.
32. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
33. Kirillov P. Novominskaya stanitsa. Statisticheskoe opisanie // Kubanskiy sbornik. T. 1. Ekaterinodar: Tipografiya A.P. Stashevskogo, 1888. S. 640.
34. Arkannikov F.F. Nikolaevskaya stanitsa. Statistiko-etnograficheskoe opisanie // Kubanskiy sbornik... T. 1. S. 589.
35. Ter V. Ataman Pavlogradskiy // Stanitsa. 2004. 24 noyabrya. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1528&type=page> (data obrascheniya: 24.09.2015).
36. Matveev O.V. Kubanskoe kazachye voysko (1860 – nachalo XX stoletiya) // Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii: kollektivnaya monografiya / pod redaktsiyey G.G. Matishova, I.O. Tyumentseva. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. S. 223.
37. Kazachiy slovar-spravochnik: v 3 t. / sost. G.V. Gubarev, red.-izd. A.I. Skrylov. – Reprint. vosproizvedenie izd. 1968 g. M.: TO “Sozidanie”, 1992. T. 2. S. 200.
38. Vasilyev I.Yu. Gosudarstvo i obshchestvo v sisteme tsennostey kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX v.): dis... kand. ist. nauk. Krasnodar, 2008. S. 114.
39. Stanitsa Arkhangel'skaya // Kubanskiy sbornik (dalee – KOV). 1878. № 35. S. 1.
40. Ter V. Ataman Pavlogradskiy...
41. Memuary i vospominaniya Generala-ot-kavalerii Stefana Aleksandrovicha Venerovskogo... S. 89.
42. Stanitsa Nikolaevskaya // KOV. 1899. № 13. S. 3.
43. Staryy zhitel. Stanitsa Belomechetskaya // KOV. 1901. № 25. S. 2.
44. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 85. L. 11.
45. Iz stanitsy Batalpashinskoy // KOV. 1881. № 26. S. 2.
46. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 26. L. 33.

47. Safonov D.F. Po dorogam XX veka, 2004. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166> (дата обращения: 25.09.2015).
48. Volodin E. Iz sledstvennoy praktiki // KOV. 1881. № 25. S. 1.
49. Stanitsa Rodnikovskaya // KOV. 1896. № 139. S. 3.
50. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 79. L. 55.
51. Ochevidets. Stanitsa Kuzhorskaya // Maykopskaya gazeta. 1911. № 205. S. 3.
52. Ekaterinodar // KOV. 1875. № 36. S. 3.
53. Baskhanov A.K., Baskhanov M.A., Egorov N.D. Lineytsy. Nikosiya, 1996. S. 129.
54. Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazachyikh voysk... S. 165.
55. Ryblova M.A. Vlastnye struktury i predstavleniya o vlasti u donskikh kazakov v XVI–XIX v. // Trudy Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN. Tom V. Sotsialnye i gumanitarnye nauki / otv. red. E.F. Krinko. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2009. S. 226.
56. Kryukov F. Kazachyi stanichnye sudy // Severnyy vestnik. 1892. № 4. S.29, 32, 37.
57. Kurakeeva M.F. Verkhnekubanskije kazaki: byt, kultura, traditsii. Cherkessk: KChIGI, 1999. S. 86.
58. Nonishniy. Stanitsa Varenikovskaya // KOV. 1899. № 21. S. 2.
59. Ryblova M.A. Vlastnye struktury i predstavleniya o vlasti u donskikh kazakov v XVI–XIX v... S. 228.
60. Chemyakin E.A. Istoricheskie traditsii kazachyego samoupravleniya v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt. Volgograd: GU "Izdatel", 2002. S. 98–99.
61. Tmutarakanskiy L. Ob ekonomiko-sotsialnom znachenii pozemelnogo vladeniya kubanskikh kazakov // Kubanskiy sbornik. Ekaterinodar, 1911. № 16. S. 263.
62. Khorunzhiy Prasolov. Obschestvennye sbory // KOV. 1896. №15. S. 3.
63. Vasilyev I.Yu. Gosudarstvo i obshchestvo v sisteme tsennostey kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX v.)... S. 110–111.

УДК 947

Организация станичного самоуправления как основа повседневной казачьей жизни (на примере Кубанского казачьего войска)

Елена Викторовна Годовова

Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация
460000, Оренбург, улица Курача, 26
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: godovova@mail.ru

Аннотация. В статье представлена эволюция системы местного самоуправления в Кубанском казачьем войске. К началу XX вв. эта система трансформировалась. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали свое дело: падал уровень ответственности выборных, в казаках все больше проявлялись лень и равнодушие. Но, несмотря на это, казачья община продолжала жить, регулировала поземельные отношения, решала разнообразные станичные проблемы.

Ключевые слова: кубанское казачество, станичное самоуправление, повседневная жизнь, станичный атаман, станичный сход, станичный суд, станичная община.